

НЕПАЛ

Очерк

«Все мы ищем в жизни «иных берегов» (Фритьоф Нансен)

Часть 1. Курс – решительно на Непал!

Однажды я услышала некий Зов и, совершенно внезапно даже для самой себя, засобиралась в путь. Планировалось добраться до ледопада Кхумбу около первого базового лагеря Эвереста, то есть туда, где еще можно дышать без баллонов с кислородом.

Колбаса на дорожные бутерброды попала чесночно-ядерная. Начало вышло скомканным, как чеки в моей сумочке, но впереди была Великая Ачивка – ткнуть пальцем в верхние слои тропосферы и прочувствовать (этим же пальцем) отсутствие турбулентности и конвекции. Или не прочувствовать. Что тоже было любопытно.

Бюджетно долетели в Эмираты, а там вдруг сюрприз – стыковка 16 часов. Ночевали на полу – спали вперемешку с индусами и арабами. Моя колбаса воняла чесноком даже из рюкзака, индусы и арабы морщили носы, но продолжали лежать рядом на полу. Я жутко стеснялась, но деваться было некуда, – так и лежали на полу всей толпой дружно рядом – я, индусы, арабы и колбаса.

В самолете на Катманду рядом сели два непальских мальчика с кукольными лицами. Я разглядывала их всю дорогу, они не понимали, что происходит и постоянно извинялись. К чесночной колбасе я вроде принюхалась, мир был спокоен и понятен.

На полпути к Катманду, я угостила эстетичнолицых мальчиков мятными конфетками, они долго благодарили и все пытались взамен вручить мне пакетик чипсов. Чипсы я не хотела (в то время я строго исповедовала ЗОЖ, и хоть на пиво моя система ЗОЖ не распространялась, к чипсам я, на всякий случай, относилась свысока и презрительно). Тогда я широким жестом вытащила свою колбасу, самолет густо заполнил аромат чеснока, арабы забежали в сторону туалета, прекрасные лица непальских мальчиков сделались очень грустными. Я всегда была нежадная, да и вообще любопытно же было посмотреть, как они будут кушать колбасу из священной говядины.

В общем, вывод первый – про священных коров – это все непальские сказки.

Вывод второй: если непалец съедает говядину – он не умирает сразу же! (или в этой колбасе концентрация чеснока превышала все допустимые нормы и говядину производители туда добавить забыли).

Часть 2. Катманду – город богов, обезьян и людей.

Катманду поражал обилием сидящих на грязных тротуарах босых пестроодетых людей, отсутствием работающих светофоров, броуновским хаосом на дорогах, вездесущей рыжей пылью и какой-то сверхнеторопливой суетой. Непальская столица густо источала запахи пряностей, пережаренного масла, благовоний, керосина и травки. Все эти ароматы носились в воздухе, смешивалось и на непривычного человека производили воистину убойное впечатление. Город гудел, словно потревоженный улей, – звуки клаксонов на дорогах, вопли торговцев, хоровое скандирование «Ом мани падме хум!», и все это под аккомпанемент рева ослов, что добавляло некие изысканно-оглушающие нотки в общий мега-футуристический бедлам. Было душно и интересно.

Кругом царила Гармония.

Изнутри город оказался похож на гигантский жаренный муравейник – охристо-терракотовый, пыльный, плотный.

Мы заселились в гостиницу, и пошли пробовать местную кухню....

Отступление 1. Непальская кухня – это отдельная песня. Суровая и беспощадная. Если кратко – то все непальские блюда обычно состоят из риса или из макарон. Иногда из смеси риса и макарон. При этом все это рисово-макаронное разнообразие обильно сдабривается огненно-жгучими специями или чем-то густым и тягуче-зеленым, но обязательно с огненно-жгучими специями. Специи принципиально добавляются повсюду. Даже в чай. Чай со специями и молоком называется «масала». Но еще бывают «мо-мо». «Мо-мо» – это нечто типа пельменей, но вегетарианских. Иногда «мо-мо» бывают с мясом, но, как нам объяснили, к якам (*Bos grunniens*) в Непале практически родственное отношение, и ни один добропорядочный непалец яка на «мо-мо» не убьет, только если як сам добровольно сдохнет. А так как яки – очень выносливые животные, то, как правило, самостоятельно они умирают от старости или от заразных болезней. Короче – лучше кушать рис с макаронами. Рис называется «дал-бат». Это почти как плов, но только вместо мяса там кашеобразная смесь гороха и капусты. Иногда «дал-бат» бывает с мясом. Про мясо см. выше.

В результате, после знакомства с непальской кухней, я вернулась в номер, достала чесночную колбасу и жизнь стала налаживаться.

Третий день прошел под знаком Ардры (с тибет. «звезда путешественников») – мы активно закупали горно-трекинговое снаряжение. Все очень старались и были серьезными. От качества и выбора снаряжения зависел Результат Похода к Базовому Лагерю Эвереста (именно так – с большой буквы!). Однако среди нас был Паша. Ему было около 45 лет, и он страстно мечтал героически преодолеть южный склон Эвереста, но при этом гораздо больше боялся обгореть в верхних слоях тропосферы. Поэтому мужественный Паша купил себе полностью закрытую балаклаву черного цвета и стал похож на помесь ниндзя с человеком-пауком. Вместе с трекинговыми палками и в балаклаве Паша производил устрашающее впечатление и на нас, и на непальцев. Это было хорошо. Теперь мы могли не бояться, что в Гималаях на нас нападут йетти. В мировой истории еще не было случаев, когда йетти нападали на ниндзя или на человека-паука.

Я выбрала себе пуховой спальник, трекинговые палки и красный альпинистский пуховик, который весит всего 250 грамм – ведь на такой высоте даже минимальный вес ощущается в несколько раз больше. Таким образом, программа по закупке снаряжения считалась выполненной. Хотя Паша, конечно же, настаивал на всякий случай прихватить ледорубы. Но наш опытный инструктор сказал Паше, что ледорубы и даже кошки можно взять напрокат в базовом лагере альпинистов. Паша постепенно успокоился, и мы пошли смотреть непальские пагоды и ступы...

В Непале богов и религий много. Иногда кажется, что там гораздо больше богов, чем людей. Люди молятся своим богам повсюду – и в храмах, и прямо на улице. Возле каждого каменного истукана щедрые подношения: дал-бат из риса, длинные гирлянды ярко-апельсиновых цветов, крашенное зерно вперемешку с мелкими монетками, курящиеся палочки благовоний, много-много горящих фонариков и свечей. Изваяние многорукого Шивы с синим строгим лицом пользуется наибольшим успехом. Я тоже подошла к нему. Женщины в желтых сари и алых саронгах одобрительно расступились, пропуская меня поближе. Толстые губы Шивы были обильно вымазаны чем-то мокрым и красным.

Не хочу даже думать, что это было.

У Багмати, правого притока реки Ганг, непальцы хоронили своих мертвецов. Хоронили с песнями, плясками, все смеялись, хлопали в ладоши, звучала бравурная музыка. Перед этим предварительно забальзамированных

усопших массово сжигали на украшенных такими же апельсиново-рыжими гирляндами деревянных помостах. Ветер доносил резкие запахи горелого мяса и приторно-сладких благовоний. Еще не остывший пепел сразу сбрасывали в мутную реку, где он шипел и растворялся. Тут же, в густой зеленовато-черной воде, барахтались паломники, торжественно совершая ритуальные омовения. Весело плескались чумазые полуголые детишки, вылавливая остатки недогоревших человеческих конечностей, чтобы разжиться кольцами и цепочками. В общем, все были заняты своими делами, и никто никому не мешал. Местные святые люди, с головы до ног обмазанные жирной человеческой сажей, в позах лотоса сидели на берегу и ели дал-бат прямо на земле, смешивая его с черным пеплом от сожженных людей. Они верили, что это поможет им улучшить карму. Со стороны казалось, что это крайне изможденные, мерно покачивающиеся бенгальские грифы. Паша остолбенел, вытаращился и начал громко возмущаться таким безобразием, еле мы утащили его оттуда.

Среди обилия богов, один заслуживает особого внимания. Это бог, точнее богиня, которая периодически воплощается в девочку 4–9 лет. Жрецы культа выбирают самую красивую девочку по многим признакам, только из касты Шакия. Затем отводят ее в пещеру, где она должна пройти страшные испытания. Только тогда дух богини Кумари входит в этого ребенка. С тех пор девочка живет в специальной красной башне Кумари Гхар, одевают ее во все красное, ей нельзя ходить по земле, играть и учиться в школе. Отныне вся ее жизнь – быть богиней и благословлять страждущих. После появления первой крови дух богини навсегда покидает тело девочки и воплощается в другого ребенка. А использованную девочку возвращают обратно в человеческую семью. Ей теперь еще предстоит как-то адаптироваться к нормальной жизни: заново учиться ходить, играть, разговаривать с людьми, после богатого дворца снова жить в бедной лачуге.

У дома Кумари было много народу, все ожидали, когда юная богиня выглянет и осенит благодатью. Наш инструктор торопился, он убеждал нас, что можно прождать полдня попусту. Я задумалась. Тратить полдня в ожидании было нерационально, но без благословения богини Кумари как дальше жить-то? В критических ситуациях я всегда ориентируюсь замечательно. Поэтому единственно правильное решение возникло моментально: я принялась прыгать на одной ноге и громко петь песенку Винни-Пуха: *«Я тучка-тучка-тучка, я вовсе не медведь!»*. Замелькали фотовспышки – туристы снимали меня на камеры. Кумари – это же ребенок, ей стало любопытно, и она выглянула, нарушая график. Народ радостно

заволновался и подался вперед. Я подняла взгляд к резному окошку и наткнулась на совсем недетский взгляд. Я не знаю, какие взгляды должны быть у богов, но у этого ребенка взгляд был нереально глубоким, словно открытый Космос.

И такой же тоскливый.

Кумари выглянула на мгновение, и тут же спряталась. Толпа благоговейно выдохнула, а мы могли спокойно продолжить маршрут.

По дороге к ступам, наша небольшая группа как-то вдруг рассосалась по периметру Катманду. Кто-то пошел шопиться, кто-то отправился привыкать к мо-мо. Пиво пить нам было нельзя. Наш инструктор пугал нас горной болезнью, если пить пиво. Мы верили и вместо пива все три месяца подготовки пили только корсил, линекс и витамин С.

Когда мы подошли к главной площади Дурбар, цена за вход была 700 рупий. Тратить рупии на Дурбар было жаль. Мы пошли по каким-то боковым улочкам, и в результате оказались прямо на возделенной площади с пагодами. Денег с нас не спросили. А мы не настаивали. Пагоды были красивыми и очень пыльными. Пока мы старательно фотографировались на этом фоне, набежали обезьяны и попытались стащить нашу кока-колу. В результате кока-колу мы героически отбили, подтвердив при этом теорию, кто из нас уже венец эволюции, а кому еще предстояло трудом создавать из себя человека. Обезьяны обиделись и переключились на укуренных хиппи, которые сидели прямо посреди грязной пыльной площади, и развлекались тем, что периодически хлопали в ладоши, и дробно стучали в облезлые барабанчики.

А мы отправились в гостиницу. Утром нам предстояло улететь в Луклу.

Часть 3. Лукла. Самый опасный аэропорт в мире.

Ночью разбушевалась гроза. Все знают, что такое гроза в джунглях в начале марта. Ветер сорвался такой, что крыши соседних лоджей сметало и слышно было звук бьющегося стекла. Я не могла уснуть от ужаса, что мы не улетим утром в Луклу и весь наш трекинг накроется. Наш инструктор обещал, что если не попадем на Эверест, то совершим трекинг вокруг Аннапурны. Ходить кругами вокруг Аннапурны не хотелось, ведь это даже не Кайлас. Всю ночь мне снилось глумливо ухмыляющееся лицо Васьки К., который злорадно размахивал ненавистной шкатулкой, инкрустированной монгольскими рубинами. Однако примерно в шесть утра все стихло, выглянуло солнце, и мы поехали попробовать.

Аэропорт на Луклу был переполнен, люди не могли улететь уже трое суток. Все ругались, истерили и было очень шумно. Мне снова стало страшно, что мы-таки не попадем на трек. Однако у нас все было *замазано* и мы улетели вовремя.

Отступление 2. Кино-Болливуд. В аэропорту, пока мы ожидали наш рейс, по местному ТВ крутили тысячапервую серию про бедного и прекрасного индийского юношу. Кино было на каком-то ихнем языке, но все было ясно и без перевода. Красивая толстозадая индуска с густообведенными глазами патетически восклицала: «О нет, Амрит!». А он отпихивал ее и кричал «Я ухожу, Радхика!». А она потом опять: «О нет, не уходи, Амрит!», а он такой: «Нет, не останавливай меня, Радхика! Я ухожу!». И так минут десять. Куда он уходил, я не поняла – может за хлебом, а может по бабам. К сожалению, объявили наш рейс, и я не досмотрела, кто там победил. До сих пор любопытно. Жаль, названия сериала не знаю. Может, кто смотрел и знает? Они там еще разноцветными красками обливали друг друга, а потом самую облитую индуску вывели на сцену, и она танцевала. А Амрит смотрел на нее и плакал. И Радхика плакала. И брат Амрита плакал. Даже брат Радхики плакал. В гостинице Катманду я потом пару раз включала телевизор, но про Амрита и Радхику больше не показывали.

Самолет на Луклу был маленький, на двенадцать мест – кроме нас, еще двое британских альпинистов, стюардесса и пилот. Перед полетом наш багаж и нас взвесили, чтобы не было перегруза. Перегруз у нас был, – как потом выяснилось, Паша зачем-то взял с гостиницы двухлитровые термосы с чаем (про запас), металлические крепления и еще какую-то тяжеленную хрень. Поэтому нам пришлось капитально доплачивать. Но зато мы-таки полетели. Микроскопический самолетик целеустремленно петлял меж отвесных гнейсово-гранитных скал, увенчанных белыми шапками ледников. В окно иллюминатора было видно ледяные ущелья, ниже – разноцветные террасные огороды, кукольные домишки и бурные реки. Все дружно фотографировали, пока инструктор не запретил, потому что фотовспышки могли ослепить пилота.

Аэропорт в Лукле поражал куцыми размерами взлетной полосы. Мы ахнули. С одной стороны, абсолютно отвесная скала, с другой – огромная пропасть. Потому аэропорт Хиллари и считается самым опасным в мире – пилот должен быть достаточно опытным, чтобы посадить самолет почти вертикально, без разгона, при сильном боковом ветре. Ух!

Когда мы, наконец-то, приземлились, по моей спине стекал пот и руки дрожали. Да и остальные выглядели не лучше. Адреналин зашкаливал. Это было даже круче, чем, когда мы однажды ночью на плоту прорывались по Днестру через государственную границу (потому что пиво закончилось).

Мы вышли с самолета и направились в какой-то лодж. Там оставили всю металлическую ерунду, которую прихватил запасливый Паша, раскрутили трекинговые палки, намазались от солнца и пошли...

Часть 4. Начало трека или «не надо, девочки, ныть - это еще не кошмар, это только начало...»

Населенный пункт Лукла находится на высоте 2827 м. Отсюда мы мягко стартанули. Нужно было дойти до какого-то населенного пункта с малопонятным и подозрительным названием Пхакдинг. Это был спуск на 2610 м. Там и планировалось заночевать. Мы обильно намазались кремом от солнца и пошли по каменной тропе, выбитой ногами сотен тысяч паломников, шерпов и альпинистов. Все были в приподнятом и даже решительном настроении. Паша ночевать в Пхакдинге не хотел, у него было предчувствие. Он хотел идти сразу дальше. Но наш опытный инструктор сказал, что до следующего пункта мы за день не дойдем, поэтому у нас будет таки Пхакдинг. «Зато там есть вода», – многозначительно прищурился инструктор.

И мы притихли.

Первый день трекинга был практически нетрудным. Мы все шли, с наслаждением вдыхая пьянящий горный воздух, любовались расцветающими рододендронами, некоторые даже что-то шутили, первые минут 15. Потом у всех началась одышка, где-то через час шутить совсем уже перестали, на рододендроны больше не смотрели и думали, когда придет, наконец, Пхакдинг.

Пхакдинг наступил внезапно – не прошло и 4 часа. Мы зашли в ободранный лодж и начали устраиваться на ночлег. Лодж – это такое строение, вроде антилопника, но с отдельными комнатами. Зато здесь, в каждой комнатухе, было по 2 кровати, устланные простынями (!), хоть и несвежими, но тем не менее.

Мы вытащили из рюкзаков свои спальники, отлепили от спины мокрые рубашки, переоделись в сухое (о блаженство!) термобелье и пошли в столовую. На ужин у нас был дал-бат и макароны со специями. Я скучала по своей чесночной колбасе...

Немолодая шерпа с гордостью показала во дворе краник с ледяной водой. Там можно было умыться, а особо чистоплотным – даже принять душ. Я принимать ледяной душ при таком ветре не рискнула, только умылась, в комнате вытащила здоровенную пачку влажных детских салфеток, вытерлась ими вся, и на этом гигиенические процедуры были выполнены. Так прошел первый день.

Завтра мы должны были попасть в Намче-Базар.

Отступление 3. Непальские шерпы. Это национальность или скорее этническая группа, которые рождаются и живут высоко в горах. Они адаптировались к высоте, минимальной концентрации кислорода в воздухе, давлению, холоду и прочим прелестям высокогорной жизни. В основном все шерпы крайне бедные. Они зарабатывают на жизнь разведением яков или переносом тяжелых грузов по узким и крутым горным дорогам, соединяющим населенные пункты. Некоторые шерпы, что хоть немного знают английский язык, могут наниматься портерами для иностранных туристов.

Мы наняли трех портеров-шерпов. Тэц, Резот и еще какой-то молчаливый, чье имя я выучить так и не смогла. Им было 18, 19 и 22 года. Они легко несли целый день наши рюкзаки по 20 кг. А рядом по тропе шли другие шерпы, которые тащили мешки с цементом, газовые баллоны. Я расспрашивала этих мальчиков о жизни. Резот рассказал, что мать родила его в 14 лет. В семье, кроме него, еще шестеро младших детей. Мне кажется, у них ужасная жизнь. Едят они один – два раза в день: дал-бат или густой суп из макарон, иногда с пресными лепешками. Рано взрослеют. Быстро стареют. Рано умирают. И при этом – остаются самыми добрыми и наивно-искренними людьми, которых я встречала...

Намче-Базар. Великая столица шерпов. Находится на высоте 3440 м. Размер соответствует названию. Реально – это огромный перевалочный пункт между Непалом и Тибетом. С высоты Намче-Базар похож на огромный птичий базар где-нибудь во льдах Арктики. Дорога сложная – много спусков и подъемов, много ущелий, которые приходилось преодолевать по навесным раскачивающимся под порывами ветра, узким мостам. Переход туда в среднем составляет около 6 часов. В результате мы дошли за восемь и устроились в очередном ободранном лодже.

На ужин традиционно был дал-бат и макароны со специями.

Я с грустью мечтала о чесночной колбасе. Ночью мне снился борщ с кислой капустой. Утром проснулась опухшая, как искусанный пчелами китаец, с дикой мигренью, внутри все горело – меня накрыла горная болезнь,

этот ужас альпинистов. Нужно было как-то встать с кровати, я опухшими пальцами-сосисками кое-как выпуталась из спальника, хотела выпить еще одну таблетку, но вода в бутылке к утру замерзла. Сил пошевелиться не было, а еще надо рюкзак собирать и то быстро.

Начиналось радостное утро третьего дня трекинга к Эвересту.

Третий день трекинга. По всем правилам горного туризма, третий день должен был пройти в Намче-Базаре в виде акклиматизационного мероприятия – радиального выхода на ближайшую гору и быстрого спуска с нее, чтобы организм мог адаптироваться к высоте, давлению и снижению кислорода в воздухе постепенно. Но наш мудрый и опытный инструктор решил этот день сэкономить и решительно повел нас в Тягнибоче. Это большой тибетский монастырь, рядом с которым тоже есть лоджи.

Все покорно пошли.

Паша больше не предлагал делать двойной переход. О своей горной болезни я решила никому не говорить, от умывания ледяной водой в горном ручье опухшее лицо вернулось на место, потому никто ничего не заметил.

Дорога до Тягнибоче должна была составить тоже 6 часов. Высота – 3867 м.

Я плелась самая последняя. Через каждые 5 минут садилась отдохнуть прямо на камни. Легкие работали как кузнечные меха, сердце трепыхало где-то в горле, руки-ноги дрожали, а рубашка была мокрая от пота, невзирая на холод и ледяной пронизывающий ветер. Даже при незначительных подъемах кружилась голова и сильно тошнило. Я очень от всех отстала. Это было хорошо – никто не видел, как у меня носом хлынула кровь. Быстро стемнело, было страшно одной на узкой дороге над ущельем, и я радовалась появлению каждого яка или шерпа, как родным. Очень хотелось плакать, но было нельзя – надо идти.

Я тащила по опустевшей горной тропинке и вдруг услышала лай. Напротив меня, стоял одичавший пес и, злобно скаля клыки, захлебывался лаем. Сил пугаться у меня уже не было. Быстро выхватив пластиковую бутылку с водой из бокового кармана брюк, я начала лупить по тыльной стороне запястья – от ударов полупустой бутылкой по горам разнесся резкий хлопок, напоминающий выстрел, потом еще, еще, – пес испугался и убежал. Мы так обычно поступали в заповеднике, при выходах на целину, чтобы не стрелять по волкам, если они подходили слишком близко. Паша потом убеждал меня, что это таки был волк, но я не согласна: гималайский волк давно находится под угрозой исчезновения, а тибетский волк водится в зоне альпийских лугов, это намного выше.

Когда я дошла до Тягнибоче, все меня ждали. Я изобразила улыбку и сообщила, что фотографировала по-рериховски умопомрачительные виды Гималаев, потому и задержалась. Инструктор меня отругал и пригрозил снять с трека за нарушение дисциплины. Ну, с дисциплиной у меня всю жизнь нелады, зато я порадовалась, что не сказала про свою горную болезнь, иначе точно бы снял. Зато я тайно вдвое увеличила дозу диакарба: решила, – или сдохну или дойду.

На ужин, как обычно, был любимый дал-бат. При виде этой осклизло-зеленоватой жижи, мне стало совсем грустно. Я сказала, что ужинать буду в своей комнате. Дал-бат выбросила в мусор. Очень хотелось много-много кислой капусты и умереть.

Переход в Дингбоче. Весь следующий день мы поднимались на высоту 4360 м. Дорога была еще более сложной, резко чередовалась то спусками, то подъемами. Расцветающий рододендроновый лес давно остался позади, почти без перехода начались голые альпийские луга и морены. Резко похолодало. Меня снова все обгоняли – и яки, и ослы, и шерпы. Паша храбро ушел далеко вперед, я плелась сзади и мечтала, чтобы меня сожрали йетти... Думала про то, какая я дура и как хорошо сейчас у папы на даче... я уже согласна была отдать литр крови за литр томатного сока с солью... и лишь горько оплакивала свою глупость.

Дорога внезапно вильнула вверх, я с трудом вскарабкалась и обнаружила белоснежную ступу, обильно обвешанную разноцветными мантровскими флажками, которые яростно трепал ветер. За ней начинались бесконечные базальтовые монументы. Наш инструктор сказал, что это памятники всем альпинистам, которые не дошли или не смогли спуститься с Эвереста. Всем, кого не нашли. Погибшим. Я насчитала сорок пять могил. И так мне сделалось жаль этих ребят, которые погибли такой ужасной смертью – в холоде, среди чужих враждебных камней, некоторые, не дойдя всего каких-то пару сотен метров... Я мысленно пожелала всем им найти успокоение, а потом вытащила из кармана несколько мятных конфет и, по нашей традиции, положила возле большого полуразрушенного монумента, – ведь никто не придет на их могилы, никто не украсит их цветами, никто не будет оплакивать...

Лодж в Дингбоче это был венец всех лоджей. Воды там никогда и не было по умолчанию. Мы давно перешли на влажные салфетки вместо душа и «Дирол» вместо зубной пасты. Протапливали там экскрементами яков (зона деревьев давно закончилась), и то, только в общей столовой. Густой смрадный воздух в помещении вызывал тошноту. Я снова коварно

выбросила свой дал-бат в мусор. К еде который день было отвращение. У меня начался жар. Мы давно спали в спальниках (в самих комнатах там не топят никогда), натянув на себя всю одежду, включая пуховики, варежки и шапки. Но на этот раз мне было очень жарко. Я побоялась, что моя соседка по комнате поймет, что со мной что-то не то, и скажет инструктору, а тот меня сразу снимет с трека. Поэтому легла спать одетая, хотя сильно хотелось стянуть с себя все. За время пути я научилась сушить мокрую одежду, в которой была на треке, на себе – я брала ее в спальник, клала на живот, и она за ночь практически высыхала. Еще я придумала брать бутылку с водой к себе в спальник – тогда она не замерзала и можно было утром запить таблетки (таблетки мы обязаны были пить каждое утро и на ночь, чтобы разжижать кровь. На такой высоте и при таком давлении свертываемость крови усиливалась).

Ночью я проснулась от того, что меня за плечо потрясли. Прикосновение было пронзительно-ледяным. Почему-то я совсем не испугалась. Я поняла, кто это, и решила, что, когда вернусь, схожу в церковь и поставлю свечку. За них. И еще я вдруг поняла, что теперь стопроцентно дойду...

Утром жар спал. Вообще! Я проснулась не опухшая. Горная болезнь ушла. Зверски хотелось есть. Я заказала завтрак и жадно съела. Настроение было отличным.

В Дингбоче у нас был акклиматизационный день. Мы совершили радиальное восхождение на соседнюю гору. Я справилась легко. И хотя я дошла только третьей, но зато хоть не последней...

Жизнь налаживалась.

Переход в Лобуче. Высота – 4930 м. Этот переход был для меня теперь самым легким, особенно на фоне остальных, все еле плелись, особенно мужская часть группы – у них горная болезнь проходит гораздо тяжелее. Всем им было очень плохо. Я это теперь знала по себе. Поэтому я помогала всем – кому-то подать таблетку, кому-то воды... Наш инструктор снял с трека молодую семейную пару – мужа и жену. Они должны были остаться в каком-то лодже без названия и ждать нас назад. Паша тоже теперь шел медленнее и уже не рассказывал свои леденящие кровь истории, которыми он притомил даже не понимающих русский язык шерпов... Альпийские луга уступили ландшафтам гляциально-навалного пояса. Низкорослые кустарнички остались далеко позади и пейзаж теперь радовал взгляд лишь хаотично наваленными глыбами, покрытыми бурыми, желтыми и сероватыми лишайниками, столь пёстрыми, словно старый вязанный плед моей бабушки.

Почва раскисла, идти стало труднее. Содержание кислорода в воздухе всё уменьшалось, все задыхались.

Лодж в Лобуче был еще специфичнее. Больше концентрация вони и дыма, постель влажная, электричества, конечно же не было, на улице густо повалил снег. Я быстро съела скудный ужин и полезла в спальник спать. Ночью мне приснилось, что мы с коллегами идем кого-то поздравлять с днем рождения, шефу дали вручать цветы, а меня попросили подержать огромный торт. Так вот, пока шеф пафосно вещал поздравительную речь, я стремительно и жадно сожрала весь торт... с коробочкой...

Начиналось утро последнего главного дня – у нас был переход на Горак-Шеп и дальше – в Первый базовый лагерь Эвереста!

Часть 5. Победный Марш

Часам к четырем, наконец, мы дошли до лоджей Горак-Шепа (5140 м). Оставили там рюкзаки и шерпов, взяли только штурмовые рюкзачки и отправились в Первый базовый лагерь Эвереста (5364 м).

Дорога сделалась еще сложнее, теперь приходилось все время идти над пропастью, по узкой льдистой осыпи камней, ступая каждый шаг осторожно, чтобы не соскользнуть вниз. Вершина Эвереста нависала справа, хрустально отсвечивая на солнце, слепила глаза. Глубокое небо было нереально синим, а солнце полыхало, как бешеное. Воздух здесь был бы самым чистым, если бы он здесь был. Каждый вдох приходилось делать глубоко-глубоко, чтобы хоть пару молекул кислорода попали в легкие. Конечно, я утрирую, но дышать было тяжело, особенно при ходьбе. Поэтому я чувствовала себя, словно пьяная. Очень пьяная. И еще усталость. Весь маршрут вверх сопровождался сильной усталостью. Так вот, здесь усталость была гораздо сильнее. Каждый шаг приходилось преодолевать себя, заставляя идти дальше. Хотелось упасть прямо на холодные камни и уснуть. Лишь бы больше не двигаться.

Но я дошла. Точнее дошла!

Легендарный лагерь оказался обычным сонным нагромождением палаток. Злобно дул пронизывающий ветер, но зато так умопомрачительно-ярко сияло солнце, а солнечный свет отбивался от окрестных ледяных скал, что, казалось, нет места более величественно-хрустального, чем здесь. На душе было трепетно и хотелось кричать. Или взлететь. Или плакать. От нахлынувшего восторга я зачем-то пискнула *«йо-хо-хо и бутылка рома!»*, затем вытащила последний сникерс и машинально съела.

И только смотрела, смотрела...

Вдруг с вершины Эвереста сорвалась огромная лавина. Совсем недалеко от меня. Вместо того, чтобы убежать, я успела ее сфотографировать. С грохотом, рухнула она на ледопад Кхумбу. Я тут же полезла на ледопад и отобрала по периметру образцы льда, снега и почвогрунтов на анализ. Такие восьмитысячники, как Эверест, являются идеальными накопителями антропогенных выбросов, что попадают в верхние слои тропосферы. Вернусь – напишу статью. А еще я насобираала камней – разноцветных, ярко-оранжевых, фиолетовых, белых. Я предвкушала, как вернусь домой и буду всем хвастаться.

Когда я возвращалась в Горак-Шеп в последних лучах заходящего солнца, мне встретился француз со сломанной рукой – ему пришлось вернуться, не дойдя всего пару сотен метров...

Часть 6. Вот и всё, или как мы снизошли к людям.

Путь вниз занял всего три дня. Шли теперь легко, по 25-45 км в день, чередуя спуски с подъемами. Чем ниже мы спускались, тем было легче дышать. Гордо и свысока смотрели на бедолаг в пока еще чистой одежде, которые только начинали свой трек. Они, наивные, еще не знали. А мы знали. Но незачем было им говорить. Когда они спрашивали, мы дружно улыбались и утверждали, что все хорошо, дойти нетрудно.

Ведь каждый человек имеет право на свое достижение.

Для себя же я сделала вывод, что раз я смогла дойти, то мой возраст – это только начало Пути. Но держать себя в форме нужно постоянно. Я выяснила, что достаточно вынослива. А если сравнить разные достижения – то написать докторскую диссертацию значительно легче. На обратном пути мое имя внесли в реестр, выдали сертификат и пермит. Так что теперь у меня есть вааажная бумажка.

Напоследок скажу – если бы меня сейчас спросили, пошла бы я туда, зная, что придется пережить, я все равно пошла бы. Ведь в жизни каждого человека должно быть место для восхождения на свой уровень Эвереста.

А самой сладкой наградой по возвращению в Катманду был душ. Боже ж мой – какой же это кайф мыться в душе после двух недель полного отсутствия воды, когда волосы давно превратились в вазелин, лицо обветрилось, а на руках цыпки!

Вечером я пила местное пиво «Эверест», сидя на крыше нашей гостиницы. Теплый ветерок доносил сладко-пряные запахи рододендронов и магнолий, мои волосы были вымыты, на ногах легкие сандалии, а не трекинговые ботинки, в руке – запотевшая бутылочка пива...

Теперь я знаю, как избавиться от серой и нудной рутины на работе и дома. Нужно залезть на какой-нибудь Эверест, две недели не мыться и кушать только дал-бат – тогда бутылка дешевого шампуня и стакан томатного сока – это будет очень приятное событие. Зато, когда я вернулась домой, я поняла, что именно у нас самый комфортный быт, самая вкусная кухня и самая хорошая жизнь...

И теперь, когда я читаю, как Великий Зевс сошел к людям с Олимпа, я злорадно думаю, а что бы ты, батенька, делал, если бы это был Эверест!

Путешествие закончилось, мы вернулись домой. Благополучно.

А через три недели на ледопад Кхумбу сошла огромная лавина, погибли 16 человек. На следующий год, примерно в это же время, землетрясение убило больше 10 тысяч человек, и правительство Непала маршрут на Эверест по южному склону закрыло.